

УТКА

Памяти прабабушки Марии

Птичка пролетела.
Оказалось, утка,
странно: будто чешет задом наперёд.
Вышла я из тела
на одну минутку –
вот душа! – как утка, прёт себе и прёт!

...пролетает страны,
пролетает лица
и насквозь проходит странные сердца:
те, в которых раны,
рваные станицы,
чёрные бойницы – войны без конца...

...бабушки и деды,
труженики предки
шелестят, как травы, по земле родной,
и цветы победы,
и сироты детки –
как-то слишком плотно всё во мне одной...

Пролетела птичка,
пёрышко упало,
им-то и пишу я по белым-бело.
Чёрные кавычки
(...на Ивана Купала
посекли опричники целое село...).

СНЕГ

Памяти бабушки Анастасии

Очень медленный вертикальный снег –
это память детства, где страха нет:
бережливая бабушка штопает мой носок,

улыбается мысли, влетевшей в её лицо,
на руке мерцает серебряное кольцо,
и очки на лице – немного наискосок.

97

Первозданное чувство в груди – вертикальный
снег:
это мамы, с работы вернувшейся, тихий свет,
это хлеба горячего запах – с её руки.

«Мне горбушку!..» Она смеётся, и мир большой,
и пушистое тёплое облако над душой,
потому что завтра мы будем играть в снежки!

Потому что ещё далеко до меня, сейчас
и вот здесь отправляющей внука в четвёртый
класс:
за окном – вертикальный снег, и душа бела.

После школы вернётся румяный и весь в снегу
и горбушку душистую выклянчит на бегу...
Я такой же была. Я была. Я уже была.

ПЕРЕМЕНА

Окно, распахнутое настужь в сад:
в янтарный свет июльского заката,
дрозды о преходящем голосят,
как звёзды – о божественном – когда-то.

И шмель, присевший на моё колено,
И со стихами школьная тетрадь –
большая возрастная переменна,
которую осталось вспоминать...

Так тихо на душе! Листва опала,
плоды все собраны, уснул шмельёк
в своей берложке, и невзрачной стала
земля-кормилица у самых ног.

А помнишь, как разъяв на свет и тьму
Себя, Ты вдруг заплакал? Не от боли –
от одиночества. Ну и кому
Ты дал вкусить Своей безмерной воли

и смерть – как плату?.. Памятью согрета,
отрочества переживаю лето:
и свет, и тени, скручиваясь в жгут,
меня Тобой восполнят и сожгут.

МОЙ КИТЕЖ

Перечитываю Макса Волошина,
понимаю, что душа моя сношена,
разговорана, отравлена сплошь.

Перечитываю Макса, и кажется:
духи века надо мною куражатся
и зазывность обещаний их – ложь!

А всего-то – лишь столетьем обмерена
Максом петая прама-терь Киммерия,
дух Европы пред которой – душок

со своей высокопарною готикой,
с феминизмами, коммуной, эротикой, –
от животной вошкотни на вершок.

Перечитываю Макса, и мнится:
вот сейчас перевернётся страница
и коктейльское солнце – волной! –

сокрушая наши «недо-» и «надо!»,
пронесётся над могилами града,
так признательно любимого мной.

Нет, не Китежа, а города зека,
на костях перемоловшего века
пренебрегшего сверканьем столиц...

И лучи его проспектов, как спицы
боевой передовой колесницы,
переполнены и судьб, и лиц.

Эти судьбы были временем скошены,
захоронены, и, Макса Волошина
перечитывая, падаю ниц:

Ты меня не понимаешь, мой «Китеж»?
В преисподнюю меня не похитишь?..
Я согласна – средь любимых страниц.

КОРМУШКА

Вот и всё. Отчалили пернатые,
зиму скоротали как смогли.
Хорошо запомнили пенаты вы,
городские пасынки земли?

Прилетайте стайками и парами.
Мне хоть и проблемно, но тепло
от возни крылатой, я ведь старая –
время перелётов истекло.

Вот в стекло оконное уставилась, –
о душа несытая, молчи! –
радуюсь, как парами и стаями
вас сменяют галки и грачи.

Эти – самостийные, кондовые,
им и заморозки нипочём!
Залетают – юные и вдовы –
синь небес взъярив крылом-плечом!

Но с пронзительным благодарением
вспомню я синичку без хвоста,
самую любимую из ста,
как доверчиво – и на колени мне...